ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

№ 1 1983

ДАШКЕВИЧ Я. Р.

АРМЯНО-КЫПЧАКСКИЙ ЯЗЫК: ЭТАПЫ ИСТОРИИ

Мертвый уже около трех столетий армяно-кыпчакский язык привлекает внимание тюркологов в нескольких аспектах. Большие надежды подает исконно тюркская лексика языка, которая может стать настоящей сокровищницей лексикологов и лексикографов — с этой областью исследований связано составление словаря армяно-кыпчакского языка, а также многочисленные публикации текстов, снабженные глоссариями. На материале языка раскрываются малоисследованные стороны исторической фонетики и морфологии западнокыпчакских языков. Фразеология и синтаксис подвергаются изучению с точки зрения интерференции и конвергенции языка в условиях славянского окружения.

В социолингвистическом плане армяно-кыпчакский язык изучался недостаточно. Со времени предпринятых лингвистами усилий по первоначальному обобщению соответствующих данных прошло приблизительно два десятилетия, на протяжении которых знания об армяно-кыпчакском языке значительно расширились. Несомненно, на пути подобных исследований громоздятся различные препятствия — необходимо учитывать в едином комплексе как лингвистические, так и экстралингвистические факторы, которые все еще недостаточно раскрыты. Только таким образом можно объяснить возникновение некоторых построений, отрицающих существование армяно-кыпчакского языка, пытающихся закрепить за ним, в лучшем случае, только место графического варианта одного из западнокыпчакских языков (именно «одного» — без точного указания языка, о котором идет речь, или с привязкой к почти неизвестному половецкому языку).

Для подобного отрицательного отношения и, одновременно, для недооценки предыдущих исследований языка, будто бы известного только в стадии увязания и глубокого (в плане лексики, морфологии, фразеологии, синтаксиса) распада, в действительности нет оснований. Даже наоборот, именно в случае с армяно-кыпчакским языком лингвисты заполучили в свою исследовательскую лабораторию социолингвистический материал исключительной ценности: не так часто приходится изучать язык, его функции, на всем протяжении его существования — от возникновения до исчезновения. И хотя объект исследования в данном случае довольно нетипичен — язык одного этноса, воспринятый полностью другим, далеко не родственным этносом,— но, может быть, именно эта нетипичность ситуации образует благодатное поле для достижения не только конкретных результатов, связанных с данным языком, но и выводов общеязыковедческого характера.

Что такое армяно-кыпчакский язык? Сегодня мы в состоянии ответить на этот вопрос достаточно точно: это письменный язык из группы западнокыпчакских языков, бывший в XVI—XVII вв. в употреблении у довольно многочисленной этнографической группы армян-кыпчакофонов, проживавших на Украине отдельными колониями,— язык, на котором была создана разнообразная в жанровом отношении литература, ставшая заметным культурным достижением носителей упомянутого языка.

Именно это большое письменное наследие привлекло внимание многих исследователей, натолкнуло их на разработку отдельных частных и более общих языковедческих проблем. Армяно-кыпчаковедение существует как одно из перспективных и динамичных направлений современной исторической тюркологии. Эта перспективность и динамичность развития ставит

перед исследователями вполне обоснованный вопрос: как возник и почему исчез язык, на котором было создано столь большое число разнообразных письменных памятников.

В одной из предыдущих наших статей, посвященной армяно-кыпчакскому языку [50], мы попытались критически рассмотреть некоторые существующие гипотезы и при этом отталкивались от следующих научно проверяемых фактов: 1) носителями армяно-кыпчакского языка являлись армяне, усвоившие кыпчакский (по групповому названию) язык в зоне его преобладания и господства; 2) этим усвоенным армянами языком не являлся половецкий — язык кочевников причерноморских степей, почти полностью уничтоженных монголами в первой половине XIII в.; 3) этим воспринятым армянами языком был язык другого кыпчакоязычного (снова по групповому названию) этноса, пришедшего в Причерноморье после половцев и сыгравшего важнейшую роль в создании культуры золотоордынского государства и его преемников, в частности, Крымского ханства; 4) древнейшие письменные памятники армяно-кыпчакского языка были созданы вне зоны господства кыпчакского языка, на Украине, и отражают ту ступень развития кыпчакского (по групповому названию) языка, которой к этому времени или несколько ранее достиг крымскотатарский язык.

В пределах настоящего сообщения делается попытка углубить и расширить выдвинутые ранее положения с тем, чтобы остановиться на главных этапах, которые в своем развитии прошел армяно-кыпчакский язык в течение своей истории на протяжении в несколько веков. Этапы эти (как мы постараемся показать ниже) были следующие: 1) усвоение армянами кыпчакского языка как разговорного и дописьменный период языка; 2) возникновение армяно-кыпчакского письменного языка и период расцвета армяно-кыпчакской письменности; 3) упадок и полная гибель армяно-кыпчакского языка. Главное внимание при изложении соответствующего материала постараемся уделить факторам, как лингвистическим, так и экстралингвистическим, сформировавшим именно такую, а не другую линию развития и упадка языка.

Дописьменный период (конец XIII—XV вв.)

Движение монголов на Запад повлекло за собой возникновение нового большого переселения народов — со всеми вытекающими отсюда последствиями также в лингвистической ситуации Евразии. Место половцев в Причерноморье, как мы уже подчеркивали выше, заняли другие кочевники — кыпчакофоны, частично переходившие к городскому образу жизни. Удар монголов по Закавказью выхлестнул оттуда мощную волну армянской миграции, устремившейся также на Север, в Восточную Европу, сперва для подкрепления уже существовавших здесь ранее торговых факторий, потом для создания новых колоний. Не подлежит сомнению, что разговорным и письменным языком и старых, и новых переселенцев был армянский. В киевской армянской среде в домонгольский период возник перевод «Сказания о Борисе и Глебе» именно на армянский язык (место создания перевода доказывается сохранением южнорусских фонетических черт в армянском тексте [2, с. 346—375]). Языковая ситуация в армянских колониях Южной Руси вряд ли существенно переменилась в первые десятилетия после монгольского нашествия — на остальных же просторах Восточной Европы, включенных непосредственно в состав Золотой орды, условия сложились иначе.

Известный историк Георгий Пахимер (1242—1310), один из блестящих умов Византии XIII в., автор хроники, охватывающей 1255—1308 гг., описывая период после набегов Ногая на Крым в конце XIII в., отметил, что «с течением времени [народы], обитавшие внутри этих [стран], я понимаю — аланы, зикхи (т. е. западные черкесы.— *Д. Я.*), готы, русы и различные соседние с ними народы, учатся их [= татар] обычаям и, вместе с обычаями, усваивают язык, и одежду, и делаются ихними союзниками в войне» [26, с. 345]. Хотя Георгий не упоминает армян, но

ясно, что в русло этого процесса конца XIII — начала XIV вв. были втянуты также крымские и другие армяне, проживавшие на подвластных монголо-татарам территориях. Этническая мозаичность Крыма и сопредельных земель (особенно городов) явилась фактором, способствовавшим лингвистической ассимиляции в сторону общего контактного языка, которым оказался татарский. Примерно сто лет спустя французский миссионер Иоанн Галлифонтский (ум. после 1412) писал в «Книге познания земли» (1404 г.) о Северном Причерноморье, что «в этой стране много христиан, а именно латинян или католиков, греков, много армян, зикхов, готов, татов, валахов, русов, черкесов, леков, яссов, аланов, аваров, кумыков, и почти все они говорят на татарском языке» [32, с. 108]. В течение одного столетия процесс языковой ассимиляции местных армян продвинулся далеко, чему способствовал характер занятий армян — купцов и ремесленников,— вынужденных при повседневном контакте с господствующим татарским населением пользоваться татарским, игравшим также роль международного языка Евразии.

Мнение об усвоении армянами татарского языка в золотоордынскую эпоху было высказано давно, однако не на основании не известных тогда высказываний Пахимера и Галлифонтского, а путем логических рассуждений и с привлечением, в качестве косвенного источника, предания о массовом выходе армян из Нового Сарая на Волге (где они провели 60 лет) и переходе их в Кафу в 1330 г. Легенда эта была записана в 1690 г. Давидом Кримеци в колофоне армянской четьи-минеи (рукопись [14]; франц перевод и комментарий [6, с. 498—499, 502—503, 514—519, 525—526]; анализ [7, с. 195, 198—199]) — некоторые авторы-нелингвисты расценивали ее как свидетельство восприятия армянами татарского языка исключительно в Поволжье [42, с. 552; 70, с. 35; 69, с. 33], хотя, строго говоря, в колофоне языковые вопросы не освещаются. По-видимому, более правильно будет считать, что армяне интенсивно усваивали татарский язык в XIV—XV вв. повсюду, где находились армянские колонии на золотоордынской территории, а также в тех случаях, когда находились поблизости этой территории (например, в пределах генуэзских и венецианских поселений Причерноморья) и где образовалась обширная зона контактов с татарским населением хинтерланда. Другими словами, постепенная языковая ассимиляция в сторону кыпчакизации происходила как в Крыму (в современном языкознании это предположение высказал Т. Ковальский [64, с. LXVI—LXXI; 65, с. 29], однако так считали еще армянские авторы XVIII в., например, С. Гювер-Агонц [62, с. 95]), так в Поволжье и Поднестровье. В отличие от некоторых авторов, пытающихся найти в Крыму определенное место, где жили преимущественно (или исключительно) армяне-кыпчакофоны, переселившиеся затем на Украину [75, с. 185—205], мы считаем, что процесс языковой кыпчакизации охватил дисперсно все армянское население Крыма, Поволжья и Поднестровья, а поиски конкретного центра проживания армян-кыпчакофонов в Крыму не могут увенчаться успехом. Гипотеза Ф. фон Крёлиц-Грейфенхорста, в соответствии с которой армяне усвоили татарский язык только в XVI в. в результате торговых контактов [33, с. 308], отпадает.

Как это ни странно, но двухсотлетний билингвизм (или даже монолингвизм с использованием в качестве разговорного исключительно кыпчакского языка) армян в тюркоязычном окружении не привел к образованию армяно-кыпчакской письменности. Поиски текстов на кыпчакском языке с использованием армянской графики, созданных в татароязычном окружении в XIII—XV вв. и даже позже, до сих пор не увенчались успехом. Правда, в литературу изредка попадали сведения о существующих якобы армяно-кыпчакских рукописях, написанных в Крыму. В свое время Я. Ташян высказал предположение, что некоторые из армяно-татарских (по его терминологии) рукописей из собрания венских мхитаристов написаны в Крыму [78, № 143, 311 и др.]. Ф. Маклер упоминал, что существовал армяно-татарский кодекс, написанный в Крыму и привезенный в Париж в 1730 г. [66, с. XIV]. Он с глубоким убеждением писал об ис-

пользовании армянами Кафы и остального Крыма многих рукописей и даже печатных изданий на татарском языке армянскими буквами [67, с. 16]. Но сообщения Ташяна и Маклера построены в значительной мере на недоразумениях; некоторые рукописи, «подозреваемые» Ташяном, что они написаны в Крыму, в действительности оказались созданными на Украине. Маклер, который не был тюркологом, принял за татароязычные рукописи и печатные издания в действительности составленные на турецком (османском) языке в Турции армянами-османофонами. Среди многочисленных (более 200) армянских рукописей, написанных в Крыму в XIV—XVII вв. и хранимых в ереванском Матенадаране, армяно-кыпчакские тексты пока не обнаружены (хотя, конечно, имеются отдельные крымскотатарские вкрапления, например, в колофонах рукописей, так как известны и татарские элементы в армянской эпиграфике Крыма). Неожиданные открытия в этой области, конечно, возможны (тем более, что не все предположения Ташяна, Маклера и других составителей каталогов и обзоров армянских рукописей окончательно проверены) [1], но, тем не менее, на сегодня не подлежит сомнению факт, что сведения о самых ранних армяно-кыпчакских текстах касаются памятников, созданных на территории Украины в первой половине XVI в.— т. е. почти три столетия спустя после прихода монголо-татар в Причерноморье и начала языковой ассимиляции нетатарского населения.

Первоначальный этап состоял в усвоении армянами в качестве разговорного того языка, который господствовал в Золотой орде, а в дальнейшем — в Крымском ханстве, т. е. татарского (крымскотатарского). Как обычно в подобных случаях, язык армян-кыпчакофонов вряд ли был совсем идентичен языку крымских татар. Разница должна была сказаться особенно в области лексики, где, можно предполагать, сохранилось определенное количество армянских слов, отражающих специфику быта, занятий, религии. Если на первоначальный говор тюркоязычных армян можно смотреть как на своеобразный «этнографический» диалект татарского языка (т. е. диалект, функционировавший в пределах этнически чуждой татарам армянской общности), то в дальнейшем, при преобразовании бесписьменного говора в язык значительной разножанровой литературы, этот тюркский по своему строю и составу язык обогатился новыми чертами, дифференцировавшими его от крымскотатарского. Тогда можно уже говорить о рождении отдельного полноправного западнокыпчакского языка, известного сейчас под довольно неуклюжим названием армяно-кыпчакского (на условность и временность этого названия обратил в свое время внимание Э. Шюц [76, с. 146—147]). Но это случилось уже на следующем этапе развития — в условиях отсутствия тюркского окружения и замены его другим, славянским.

Объективность требует упомянуть о том, что в недавнее время были созданы гипотезы, дающие совершенно другое объяснение возникновения армяно-кыпчакского языка, точнее — отрицающие вообще его возникновение в исторически обозримое время. Известный тюрколог Дж. Клосон выдвинул идею, что язык, называемый ныне армяно-кыпчакским, это исконный язык кыпчаков (не определяемых точнее по своему этническому характеру), принявших (снова в не установленное точнее время) армяно-григорианскую религию и только зафиксировавших свой язык при помощи армянского алфавита (примерно таким самым образом, как это было сделано также при помощи арабской графики). Статья Клосона [57] вызывает двойственное отношение. Наряду с очень квалифицированными наблюдениями о многослойной структуре лексики армяно-кыпчакского языка, в ней имеются места, вызывающие недоумение. В своих рассуждениях Клосон применяет самый шаткий метод в науке — метод аналогий. Вот весь ход его предположений.

---

[1] Особый интерес, с этой точки зрения, вызывает упоминание о Молитвеннике на татарском языке армянскими буквами, написанном в XVIII—XIX вв. в не вполне установленном месте [71, с. 932—933, № 1300]. Рукопись еще не подвергалась лингвистической и, например, филигранологической экспертизе с целью более точного определения языка, места и времени ее создания.

1. Армяно-кыпчакский язык очень близок языку Codex Cumanicus'a. С точки зрения базисной лексики — это тот же язык, которым говорят караимы. Если так называемые армяне употребляли такой же язык, то они, по аналогии с носителями языка Codex Cumanicus'a и с караимами, должны иметь аналогичный расовый состав, так как караимы главным образом тюрки, т. е., по-видимому, кыпчаки с хазарским субстратом.

2. В смешанных языках — когда носители одного языка попадают под господствующее влияние носителей другого языка — базисной остается лексика носителей первоначального языка, а периферийная лексика заимствуется из языка господствующих носителей. Например, по Клосону, у таджиков базисная лексика — иранская, а периферийная — тюркская (узбекская), но таджики, конечно, иранцы. В армяно-кыпчакском языке базисная лексика кыпчакская, а армянская — только одна из периферийных; значит, по аналогии, носители армяно-кыпчакского языка предположительно кыпчаки.

3. Имена членов так называемых армянских общин — армянские или, вообще, арменизированные христианские, но фамилии — созданные по тюркскому образцу (патронимикальные типа *Григор оглу*). Поэтому можно предполагать, что носители армяно-кыпчакского языка исключительно или в основном кыпчаки.

4. Носителей армяно-кыпчакского языка считали армянами, а не кыпчаками, по аналогии с тем, как римских католиков вообще часто считали римлянами (итальянцами), греко-православных — греками, хотя не все католики — итальянцы, а не все православные — греки. Так как армяне — монофизиты, всех монофизитов считали армянами, хотя и не все они армяне.

Утверждения Клосона, несмотря на отсутствие фактографического (как лингвистического, так и экстралингвистического) материала, нашли отдельных последователей — поэтому придется уделить некоторое внимание данному дискуссионному социолингвистическому вопросу. При более внимательном рассмотрении аргументы Клосона оказываются необоснованными.

1. Аналогия по линии базисной лексики ничего доказать не способна, так как, например, ирландцы — англофоны (а они составляют большинство ирландской нации) говорят на таком же английском языке, как англичане, но расовый состав англичан и ирландцев различен. Армяне или греки-туркофоны Османской империи, создавшие в XVI—XX вв. значительную литературу на турецком языке армянской и греческой графикой, не являлись ведь арменизированными или эллинизированными в языковом отношении турками.

2. Армяно-кыпчакский язык — это не смешанный язык, а полностью усвоенный тюркский язык, воспринятый, конечно, вместе с базисной лексикой. Язык ирландцев-англофонов — это не смешанный язык, а настоящий английский язык с минимальной кельтской (ирландской) периферийной лексикой.

3. Антропонимия, как известно, не в состоянии доказать этнос ее носителей. Для Клосона совершенно неизвестными остались принципы образования антропонимов армян Украины с их многократной дублетностью в зависимости от разнообразных языковых полей (армянского, армяно-кыпчакского, украинского, польского, латинского). Значительная часть армян официально — согласно документам, составленным на польском, латинском, армяно-кыпчакском языках,— носила имена и фамилии, созданные по украинскому образцу. Если следовать за Клосоном, то это были арменизированные (или кыпчакизированные) украинцы...

4. Религиозный аргумент *поражает наивностью*. Ведь португальцев, французов потому, что они римские католики, никто не считал итальянцами. Подобным образом, монофизитов-яковитов (западных сирийцев), коптов, нубийцев, эфиопов даже в средневековье, когда представления европейцев об этих народах были довольно смутными, никто не считал армянами.

А. Н. Гаркавец, выступая как последователь Клосона, утверждает,

что ранее характерно было «бытование в смежных с языкознанием областях науки ложных представлений о происхождении армяно-кыпчаков и их языка» [44, с. 6]. В соответствии с новыми представлениями этого автора, изложенными в многочисленных публикациях, никаких армян и никакого первоначального армянского языка, употребляемого ими, не было, а просто в домонгольское, по-видимому, время половцы-кыпчаки Крыма распределились на четыре группы — одна приняла греко-православие и начала именовать себя греками, вторая приняла армяно-григорианство и назвала себя армянами, третья (вместе с остатками хазаров) приняла караимский иудаизм и превратилась в караимов, а представители четвертой группы остались язычниками с тем, чтобы в дальнейшем принять ислам [43, с. 19]. «Кыпчакский язык, таким образом, был родным для абсолютного большинства общины» (имеется в виду армянская община в Каменце-Подольском.— *Д. Я.*) [44, с. 8], потому что «генетически — как в этническом, так и в языковом аспектах, эта народность близка к половцам, крымским татарам, караимам, крымским урумам» [46, с. 210]. Гаркавец утверждает также, что армянописьменные памятники XVI—XVII вв. составлены «почти исключительно в Каменце-Подольском и Львове кыпчаками, именовавшими себя изредка *хыпчах*, но главным образом *ермені* „армяне" в соответствии с исповедуемой религией — армяно-григорианским христианством» [45, с. 6].

Мы уже имели возможность высказаться по поводу предполагаемых, но не подтверждаемых никакими (будь то лингвистическими или же экстралингвистическими) источниками прямых генетических связей армяно-кыпчакского языка с ближе неизвестным половецким [50, с. 86—87] и не будем здесь повторять эти выводы. Можно только отметить, что Гаркавец напрасно недооценил этническое самосознание половцев (будто бы переименовавших себя в армян), которое стало причиной неоднократных волнений и столкновений в одном из мест их переселения — в Венгрии XIII—XIV вв., где половцы вплоть до XVIII в. сохранили реликты своего языка, а до сих пор еще и ощущение своего особого (кунского, т. е. куманского, половецкого) происхождения. Механистическая теория внезапного «богоискательства» половцев-кыпчаков, вдруг расколовшихся по религиозному признаку, фантастична и беспочвенна. Нет малейшего следа армянского прозелитизма среди половцев или ранних татар — да и о каком прозелитизме могла быть речь, если в Причерноморье вели ожесточенную борьбу за сферы влияния такие церковные гиганты, как византийское православие, римский католицизм, а в дальнейшем также ислам. Армяне Украины никогда не называли себя «хыпчах» (здесь глубокая ошибка Гаркавца, не сославшегося, впрочем, на источник своих сведений — такой источник просто не существует). Единственный этноним, которым пользовались как сами армяне, так и окружающие их народы, это название «армяне», что, конечно, являлось отражением этнического самосознания армян, а не попыткой камуфлировать свое неармянское происхождение. Языкознание знает много случаев усвоения одним этносом языка другого этноса с сохранением своего этнического сознания. Только на Украине это греки-татарофоны с греческой графикой своей письменности; евреи-татарофоны, иначе крымчаки, употреблявшие древнееврейскую графику; караимы-татарофоны, потерявшие в Крыму свой караимский (сейчас западнокараимский) язык и усвоившие крымскотатарский с древнееврейской графикой; грузины-татарофоны и др. Подобная смена языка, конечно, накладывала отпечаток на усваиваемый язык, но не меняла исконного этноса носителей новоусвоенного языка. Языковая кыпчакизация армян, наконец, подтверждается упомянутыми выше показаниями источников XIV—XV вв., а также свидетельством многочисленных современников XVI—XVII вв. [50, с. 80—85]. Одного только, хотя и очень важного признака, каким является язык, чересчур мало для определения в ретроспективном плане этноса носителей языка, даже если для них придумать столь искусственное название (производное от недавно созданного названия языка), как «армяно-кыпчаки»... Как известно, в конце XVII — начале XVIII вв. место армяно-кыпчакской письменности

на некоторое время заняла армяно-польская письменность (польские тексты армянской графикой). Если следовать логике создателя гипотезы об «армяно-кыпчаках» — это были всего лишь только поляки, принявшие армяно-католичество и именовавшие себя, в связи с этим, армянами.

Возникновение письменного языка и его расцвет (XVI — первая половина XVII вв.)

Языковая ситуация в армянских колониях на Руси в период, охватывающий много десятилетий после монгольского нашествия, вряд ли существенным образом отличалась от обстановки до 1240 г.— т. е. в колониях по-прежнему господствовал армянский язык. Два дошедших до нас текстуально документа 1363 [62, с. 133—134] и 1398 гг. [18, с. 42—44], составленных соответственно во Львове и в Каменце-Подольском, написаны по-армянски. На армянском языке, как правило, составлялись колофоны рукописей, написанных или переписанных на Украине в XIV—XV вв.,— самые ранние из них датируются 1378 г. [72, с. 25] и периодом после 1379 г. [39, с. 529, № 656]. Конечно, можно возразить, что и документы, и колофоны были, так сказать, внешним официальным проявлением жизни армянских общин и поэтому они составлялись на грабаре. Но ведь полтора столетия спустя аналогичные документы и колофоны составлялись и во Львове, и в Каменце-Подольском на армяно-кыпчакском языке! Нет никаких оснований считать, как это делают некоторые авторы (например, [54, с. 142—144; 69, с. 99—100]), что уже в XIV в. разговорным языком армян Украины был кыпчакский. Ошибочным является также сообщение о том, что в Каменце-Подольском в XIX в. хранились армяно-кыпчакские литургические тексты, датируемые 1296 годом [74, с. 110].

Армяне Украины находились в постоянных контактах со своими единоплеменниками в Причерноморье. Микромиграции из Поволжья, Крыма, возможно, Приднестровья постепенно усиливали удельный вес кыпчакофонов в колониях. Сначала это был язык, служивший для контактов во время торговой деятельности на пространствах Европы, а в дальнейшем — разговорный язык в среде этнически армянских поселенцев. Процесс медленной потери собственного языка в тюркоязычном окружении должен был охватить несколько поколений — в начале более или менее продолжительное время господствовало двуязычие. На Украину с этих территорий прибывали, в основном, или билингвы, или тюркофоны.

Мы не знаем, когда именно и при каких обстоятельствах образовался количественный (и качественный) перевес армян-кыпчакофонов над армянами-«арменофонами», считаем, однако, упоминание известного польского историка Яна Длугоша (1415—1480) о татароязычности армян, датируемое 60-ми гг. XV в. [25, с. 125], признаком усиливающейся доминации кыпчакофонов. Французский миссионер Луи-Мари Пиду де Сент-Олон (1637—1717) перечисляет колонии, в которых еще в 70-х гг. употреблялся кыпчакский язык (Пиду прямо пишет о том, что это были колонии армян, выходцев из Крыма): Киев, Владимир, Луцк, Львов, Каменец, Снятын и Галич [35, с. 130]. Можно считать (сообщение Пиду не противоречит другим прямым и косвенным показаниям источников), что во всех этих городах кыпчакофоны действительно победили. В сфере разговорного языка это произошло приблизительно в последней четверти XV в.— тогда интенсифицировалась миграция армян на Украину, вызванная захватом прибрежной зоны Крыма и Приазовья, а в дальнейшем и Приднестровья турками-османами (соответственно в 1475 и 1484 гг.). Эту миграцию отметили, по-видимому, не дошедшие до нашего времени каменец-подольские армянские церковные хроники, использованные в конце XVII в. армянским историком Степаносом Рошкой (1670—1737) [37, с. 196]. Подобный ход событий согласуется с выводами нескольких поколений арменоведов и тюркологов [61, с. 411; 59, с. 391; 55, с. 109; 42, с. 550—551; 52, с. 157; 68, с. 56; 76, с. 147—148], к которым они приходили другими путями.

Как мы указывали выше, большой парадокс в истории армяно-кыпчакского языка состоит в том, что письменный язык был создан не в тюркской среде, а в окружении славянского — украинского, отчасти польского населения. Этот парадокс пока не находит себе удовлетворительного объяснения; возможно, сыграл роль именно высокий уровень армянского этнического самосознания, препятствовавший созданию армяно-кыпчакской письменности в крымскотатарском окружении, где ее могли бы расценивать как видимый признак ассимиляции с татарами и свидетельство серьезной ломки барьера, окружавшего армянские колонии. В славянской языковой среде возникновение армяно-кыпчакской письменности к подобным последствиям не приводило — барьер между армянами и неармянами сохранился. Это только одно из возможных объяснений явления, которое ждет еще углубленного исследования.

Этот парадокс не единственный. Из общих положений языкознания известно, что языки, которые мигранты переносят с места на место, где они подвергаются влиянию иноструктурных языков, обычно теряют свои индивидуальные черты, неуклонно деградируют. Армянам же, как это ни странно, оказалось под силу пережить не только в одной тюркской языковой среде своеобразную языковую революцию с заменой армянского языка разговорным кыпчакским, но и при переходе в другую, славянскую, языковую среду удержать этот новоприобретенный язык от деградации и потери самобытных черт. Наоборот, очередная миграция привела к языковой эволюции на более высокую ступень: к превращению бесписьменного языка во всесторонне развитой язык многожанровой литературы.

В соответствии с легкоконтролируемыми научными данными, колыбелью армяно-кыпчакской письменности явился Львов 20 — 30-х гг. XVI в. Именно тогда в среде львовской армянской колонии состоялся своеобразный языковой переворот. В 1521 г. делопроизводство общины переходит с армянского на армяно-кыпчакский: в книге львовского армянского суда последняя запись на армянском языке датирована 12 марта 1521 г., а первая на кыпчакском — 26 августа 1521 г. (судьба книги неизвестна; см. [56, с. 87; 51, с. 160]). В 1528 г. был изготовлен армяно-кыпчакский перевод Львовского судебника — кодекса армянских прав (реминисценция Мхитара Гоша), утвержденного королем Сигизмундом I в 1519 г. [34, с. 241—251, 274—277]. Характерно, что армяне, поставленные королевской властью перед выбором перевода судебника с официально утвержденного латинского текста на украинский или польский языки, избрали перевод на... кыпчакский. В 1530 г. или несколько лет спустя была составлена «Хроника Польши» [21, с. 122—123], в 1537 г. или сразу же после него написана так называемая «Венецианская хроника» (вопреки названию, составлена во Львове) [21, с. 115—121; 24, с. 38—41] — обе на армяно-кыпчакском языке.

Поражает динамичность этих событий. Как будто насильственно сдерживаемая языковая энергия вдруг сломала барьеры и выхлестнула наружу, объявляя о рождении нового письменного языка. Даже если считать, что далеко не все самые ранние памятники армяно-кыпчакского языка, созданные во Львове, дошли до наших времен (а это, конечно, так), столь насыщенная, почти лихорадочная писательская деятельность, развернувшаяся на протяжении неполных двух десятилетий, просто поражает. Несомненно, весь этот «языковой взрыв» во Львове не был результатом деятельности одного человека, не мог быть также следствием давления среднего (даже многочисленного) слоя горожан кыпчакофонов. По-видимому, именно тогда сложился во Львове кружок культурных деятелей, из среды которых вышла инициатива перевода делопроизводства общины на кыпчакский, составления по-кыпчакски трудов исторического и юридического содержания. Имена этих людей неизвестны и, наверное, останутся неизвестными навсегда. Нельзя предполагать, что подобная переориентация могла состояться без покровительства гражданской верхушки (армянский войт, совет старейшин) и без благословения духовного руководства (львовский армяно-григорианский епископ).

Не представляется возможным определить время и условия подобных

перемен в других колониях. Известно только, что в Каменце-Подольском языковая борьба приняла затяжной характер, иногда верх брала группа армян-арменофонов (наверное, более многочисленная, чем во Львове). Неизвестно, когда впервые общественное делопроизводство перешло на армяно-кыпчакский язык, но в 1559—1567 гг. оно с полным размахом велось уже по-кыпчакски [17, с. 123—227]. В 1572—1575 гг. оно возвращается к армянскому [29, с. 97—362], чтоб затем снова перейти на кыпчакский. Хроника общины (впрочем, не узко общинного, а более широкого краевого содержания), ведение которой находилось в руках наместника (авакереца) львовского армяно-григорианского епископа, только в 1611 г. переходит на армяно-кыпчакский [21, с. 68; 24, с. 26—27]. Абсолютно ничего не известно о языковых переменах в других общинах, в которых (согласно Пиду) господствовали кыпчакофоны — в Киеве, Луцке, Снятыне и др. Имеются глухие сведения об армяно-кыпчакском делопроизводстве в Замостье [34, с. 158]. Можно, однако, считать, что те колонии, в которых преобладали кыпчакофоны, ориентировались на армянскую колонию в крупнейшем в это время городе на Украине — Львове, являвшемся к тому же духовным центром для всех колоний.

Значение языковой переориентации не следует преуменьшать. Именно в 20—30-х гг. XVI в. произошло превращение бесписьменного говора крымских армян-тюркофонов и вышедших из этой среды эмигрантов в самостоятельный письменный армяно-кыпчакский язык, отделившийся от генетически наиболее близкого ему крымскотатарского. Уже самые ранние, перечисленные выше, памятники армяно-кыпчакского языка убеждают в том, что произошло рождение нового языка. «Кто-то» (как мы предполагаем, члены львовского культурного кружка) осуществил на практике применение армянского алфавита к тюркскому языку— причем это не было простое употребление чужой графики (ведь в это время в области графической записи тюркских языков почти безраздельно властвовал арабский алфавит, в чем армяне, из среды которых постоянно выходили переводчики восточных языков, были прекрасно осведомлены), а применение в соответствии с довольно последовательно выработанными орфографическими правилами. При всей гибкости армянского алфавита за его графемными возможностями оставалась, например, адекватная передача таких специфически тюркских звуков, как *ö*, *ü*. Все эти и подобные трудности правописания были учтены. Вместе с этим, изучение самых ранних текстов доказывает, что нововозникший язык уже не был идентичен крымскотатарскому синхронного периода. Правда, это утверждение в определенной мере висит в воздухе — в нашем распоряжении нет (или они не изучены) крымскотатарских текстов 1520—1530 гг., близких в жанровом отношении к древнейшим памятникам армяно-кыпчакского языка (язык ханских ярлыков, подверженный влиянию османской дипломатической традиции [53], не может быть, в данном случае, объектом полноправного сравнения). С другой стороны, однако, можно с полной уверенностью сказать, что некоторые черты письменного армяно-кыпчакского языка первой половины XVI в. совершенно точно отсутствовали в крымскотатарском языке того же времени. В последнем не могло быть лексических славянизмов, индоевропеизированных синтаксических конструкций, возможно, также некоторых специфических фонетических явлений (последний вопрос не совсем ясен, так как система передачи тюркских звуков средствами армянской графики все еще не исследована до конца). Другими словами, армяно-кыпчакский язык первой половины XVI в. при сохранении доминирующих генетических связей с крымскотатарским языком того или несколько более раннего времени не являлся уже его диалектом. Дифференциация в различных областях зашла далеко, и это еще раз доказывает превращение говора в самостоятельный язык.

Подобная дифференциация, конечно, стала возможной только благодаря тому, что люди, формировавшие язык, сами не были эмигрантами из Крыма, а их потомками в третьем-четвертом поколении. Косвенным образом это подтверждает решающую роль миграции, связанной с событиями 1475 г. в Крыму.

Создание очерка армяно-кыпчакской литературы, вызванной к жизни нововозникшим языком, выходит за пределы нашей задачи. Единственный имеющийся очерк такого рода, хотя увидел свет не так давно [73, с. 801—808], несколько устарел. Каждый год приносит новые открытия в этой области [2]. Лингвистического анализа заслуживают многочисленные памятники переводной (в основном, с армянского) литературы — культовой (молитвенники; части Библии ветхого и нового заветов, причем, несомненно, предпринималось по несколько переводов, например, Псалтыри, возможно, используемой, по параллели с украинской школой того времени, для обучения детей грамоте на армяно-кыпчакском языке; проповеди; сборники песен) и светской (Сказание об Акире Премудром). Создавалась оригинальная художественная литература (вирши духовного содержания), календари и пасхалии, астрологические и алхимические трактаты, исторические сборники и хроники, отдельные хроникерские заметки, сборники законов, лечебники, эпистолярий, колофоны, эпиграфика и др. Особое внимание лингвистов привлекают и должны привлекать в еще большей мере армяно-кыпчакские словари толкового типа, грамматические пособия (парадигмы, словари грамматических терминов и др.). Они свидетельствуют, с одной стороны, о высокой культуре обучения армяно-кыпчакскому языку в колониях — обучения как кыпчакофонов, так и арменофонов (всех тех, кто владел знанием армянской графики), с другой стороны, о наличии пуристических и нормативных тенденций у создателей подобных грамматических и лексикографических пособий. Художественная литература свидетельствует даже о стремлении к созданию кыпчакогенных (а не славяногенных) неологизмов. Большое по объему место среди письменных памятников армяно-кыпчакского языка занимают остатки делопроизводства львовской и каменец-подольской общин (судебные и судебно-административные книги, финансовые книги, книги метрических записей, предбрачных договоров, завещаний, архиепископских распоряжений и т. п.), а также отдельные частные акты (торговые договоры, полномочия, денежные расписки, финансовые отчеты и др.). Использование памятников делопроизводства в качестве лингвистического источника требует, однако, большой осторожности — тенденция к объявлению записей канцелярского языка отражением разговорного («народного») армяно-кыпчакского языка (с различными далекоидущими выводами о конвергенции, разложении, распаде языка) требует сугубо критического подхода. По-видимому, гораздо ближе к «народному» языку язык частных писем, частных финансовых отчетов и денежных расписок — конечно, если в их составлении не принимали участие заправские канцеляристы. Но документация такого типа также требует критического отношения — она ведь не свободна от трафаретных штампованных фразеологизмов, нетипичных для обыкновенного разговорного языка.

Необходимо отметить, что благодаря использованию армяно-кыпчакского языка в официальной документации этот язык приобретает всеобщее признание на Украине. Административно-судебные учреждения Львова принимали акты, написанные на армяно-кыпчакском языке (правда, с параллельным переводом на польский) как юридически полноправные документы. В особо важных случаях разрешалось вписывать их в оригинале в судебные книги, обычно заполняемые записями, составленными на латинском и польском. Договор львовского армяно-григорианского епископа Н. Торосовича с львовскими и каменецкими армянами 1627 г. внесен армянской графикой на кыпчакском языке в львовскую замковую книгу ([7, с. 1901—1904], о публикации см. [49, с. 84, № 101]). Это говорит не только о ранге языка, приравниваемого к общепринятым официальным языкам государственного делопроизводства, но и о популярности и распространении армяно-кыпчакского языка.

Вслед за рукописной книгой появилась печатная. В 1618 г. во Львове началось книгопечатание на армяно-кыпчакском языке. Неизвестно,

---

[2] Имеется перечень изданий памятников и посвященных им исследований, осуществленных по 1978 г. [49, с. 79—86].

сколько вообще появилось изданий на этом языке, так как до наших дней дошло только одно название (Alγïš bitiki), сохранившееся в единственном экземпляре. Типография прекратила свою деятельность после смерти ее основателя Ованеса Карматанянца (Ивана Муратовича, 1589—1624). Печатание армяно-кыпчакских книг не возобновилось.

Армяно-кыпчакская книга, рукописная и печатная, находила своего читателя в ряде армянских колоний на Украине. Отдельные документы, письма создавались за ее пределами (Стамбул, Эдирне, Люблин) ([9, л. 2, 7, 15, 10], о публикациях см. [49, с. 84, № 106, 123, с. 86, № 149]). На армяно-кыпчакском языке писали в Риме [51, с. 164]. Носители армяно-кыпчакского языка встречались далеко за пределами Украины — в 1620 г. в Иерусалиме был записан крохотный армяно-кыпчакский глоссарий [12, л. 262 б], в 1619 г. там же составлен колофон на армяно-кыпчакском языке [15, с. 226 б]. Уцелевший печатный экземпляр Alγïš bitiki был приобретен в Стамбуле, как кажется, около 1662 г.— там также находились приверженцы армяно-кыпчакского слова.

Период расцвета армяно-кыпчакского языка исследован явно недостаточно. До сих пор не решен (и, по существу, не поставлен) вопрос о наличии диалектов армяно-кыпчакского языка. При выделении его диалектов следует исходить из различий, обусловленных историческими факторами, и, в частности, степенью взаимодействия с неармянскими и некыпчакскими наречиями. Серьезные исследования в этом направлении не проводились. В свое время М. Левицкий и Р. Кон считали, что можно говорить о двух диалектах армяно-кыпчакского языка, из которых один подвержен влиянию османского языка [34, с. 157]. Действительно, некоторые тексты — письма или денежные обязательства, составленные на территории Турции,— насыщены фонетическими и лексическими османизмами (ср., например, [9, л. 2, 7, 15], о публикациях см. [49, с. 84, № 106, 123; с. 86, № 149]), что объясняется влиянием османского окружения. Пока нет возможности определить наличие особого османизированного диалекта армяно-кыпчакского языка. Стоит, однако, отметить мнение известного армянского путешественника Симеона дпира Леаци (Симеон Мартиросович, 1585 — после 1639) о том, что татароязычные армяне Львова пришли через Ангурию (т. е. Анкару) и из-за этого потеряли свой язык [36, с. 346; 20, с. 248].

Судьба армяно-кыпчакских рукописей и печатных изданий сложилась печально — они гибли вместе с гибелью языка и гибелью колоний. Если до нас дошло все-таки довольно значительное их количество — потеряно, несомненно, гораздо больше. Вполне возможно, что отдельные жанры письменности погибли полностью. На основании разбросанных по различным сочинениям цитат из Библии можно предполагать, что переведено было чуть ли не все Священное писание, из которого сохранились только отдельные части. На армяно-кыпчакском языке велись купеческие книги, известные только по выдержкам в переводах на польский. Уже в наше время погибли упомянутые в литературе [47, с. 221, 225] ценные фольклорные тексты (заговоры). Некоторые переселенческие очаги, в которых проживали армяне-кыпчакофоны, вообще не оставили памятников своего «локального» языка, хотя они, несомненно, были.

Все это говорит о больших потенциальных возможностях языка, его зрелости, жизнеспособности и динамике, перспективности его развития.

И вдруг наступает катастрофа. Прекращается переписка рукописей, обрывается делопроизводство, исчезает язык.

Упадок языка (вторая половина XVII в.)

Картина меняется как в калейдоскопе, а весь процесс развивается лавинообразно. Армяно-кыпчакское рукописание, по-видимому, не вышло за пределы 60-х гг. XVII в. Последним видным автором, упорно сохранявшим армяно-кыпчакский язык в своей литературной деятельности, был вардапет Антон — трехтомник его проповедей составлен в 1600—1662 гг., кстати, в Язловце и в Серете [78, № 479—481]. Правда,

существует армяно-кыпчакский Сборник псалмов и молитв, датируемый 1694 г. [13], но эта датировка более чем условна — 1694 г. обозначена наиболее поздняя запись на полях рукописи, созданной в действительности гораздо ранее.

В третьей четверти XVII в. в основном прекращает свое существование официальный статус армяно-кыпчакского языка. В львовской книге предбрачных договоров и завещаний записи на этом языке прекращаются еще в 60-х гг. XVII в. 1670 г. датируются последние записи о смертях, 1680 г.— о рождениях в львовской метрической книге, дальше идут записи по-польски. Армяно-кыпчакская книга распоряжений львовского архиепископа заканчивается 1675 г. [51, с. 161, 164]. Часть наиболее необходимой документации за прошлые годы срочно переводится с кыпчакского на польский — что свидетельствует о катастрофическом уменьшении количества лиц, понимающих записи на армяно-кыпчакском. Итак, в 1680 г. писарь львовской общины Лыскевич составил, на основании упомянутой выше книги завещаний, написанной (согласно документу 1733 г.) «на татарском наречии» (idiomate Tartarica), особый переводной перечень церковных прибылей от недвижимого имущества [8, с. 109]. В судебно-административных книгах каменецкой армянской общины чересполосица (армяно-кыпчакские записи вперемежку с латинскими и польскими) начинается в 50-х гг. и длится по 1663 г. [48, с. 154]. Последняя армяно-кыпчакская запись помещена под датой 20 августа 1663 г. [4, л. 266]. (Необходимо при этом, однако, учитывать и то, что книги за 1664—1708 гг. погибли.) Известен еще частный акт (завещание), составленный в Каменце-Подольском на армяно-кыпчакском языке 18 декабря 1669 г. ([10, л. 6—9]; о публикации см. [49, с. 86, № 149]).

В качестве контрольного показателя, определяющего нижнюю границу употребления армяно-кыпчакского языка, нами привлечены армяно-кыпчакские глоссы (маргиналии) и подписи. Армяно-кыпчакские пометы на иноязычных датированных текстах, хранимых в армянских общинах, могли быть проставлены не ранее создания этих текстов. Во Львове армяно-кыпчакские маргиналии сопровождают записи по 1680 г. включительно [8, л. 18—19, 20]; последняя (найденная до сих пор) подпись датируется 1683 г. [1, с. 920]. Армяно-кыпчакские глоссы на фрагментах книги армянского суда в Язловце видпеются рядом с текстом 1671 г. [11, с. 215, 216, 220]; последняя «язловецкая» подпись датируется 1669 г. [2, с. 271]. Пометы на книгах армянского суда в Станиславе сопутствуют протоколам за 1679, 1681—1685, 1687—1689 гг. (первая книга) и 1692 г. (вторая книга) [5, 6]. Последняя подпись из Станислава помечена 1686 г. [3, л. 383].

Тем не менее, еще в 70-х гг. XVII в. шведский военный и дипломат Захариа Гамоцкий (1620—1679), по происхождению армянин с Украины, обучал немецкого проповедника И. Гербиниуса османскому языку с явными кыпчакскими элементами, которые и отразились в составленном Гербиниусом турецком катехизисе ([30]; ср. также [79, с. 24—97; 60, с. 179—180]).

Надписи на полях и подписи 80 — 90-х гг. XVII в.— это последние реликты некогда столь бурно расцветавшей литературы.

Выдвигалось несколько гипотез для объяснения причин упадка армяно-кыпчакского языка. Эти теории можно распределить на две группы — объяснения лингвистическими и экстралингвистическими факторами.

Увлечение памятниками делопроизводственной письменности [45], подробный анализ конвергенции канцелярского языка к украинскому и польскому выдвигают на первый план как причину гибели деградацию языка, жаргонизацию, распад, насыщение и перенасыщение славянской и западноевропейской лексикой и фразеологией, детюркизацию синтаксиса и т. п. По-видимому, при оценке этих лингвистических процессов, отмечаемых в делопроизводственной письменности, допускаются две ошибки. Языкознанию известны языки очень «емкие» по своему харак-

теру, способные без особого вреда воспринять и переварить значительное количество иноязычных элементов (например, английский на протяжении своей многовековой истории), что, однако, не приводит к краху языка как средства общения. Жаргонизированные и пиджинизированные языки сохраняют свою динамичность и экспансивность, конструктивные способности в деле создания многоплановой письменной литературы (лучший пример — суахили). Одной восприимчивости языка к иноязычным элементам недостаточно для гибели языка — трансформацию языка в таком именно направлении нельзя считать наступлением этапа его внутренней несостоятельности, способствующей отказу носителей языка от его употребления. Вторая ошибка (о которой мы говорили выше) состоит в отождествлении актового языка с речью рядовых носителей языка. Несомненно, это две различные категории. Украинский язык XVII—XVIII вв. был не менее, чем армяно-кыпчакский, насыщен заимствованными из других языков словами, фразами, делопроизводственными оборотами, выработанными практикой русских и польских канцелярий. На основании украинского канцелярского языка того времени можно было бы также пророчествовать о гибели языка, чего, однако, не случилось. Сама по себе конвергентная лабильность языка, его жаргонизация не могли явиться главной причиной гибели армяно-кыпчакского языка. Эту причину нужно искать в экстралингвистических факторах, поражающих в первую очередь не столь сам язык, как его носителей.

В качестве причины гибели выдвигались этнические процессы, происходившие в армянских общинах Украины. Процессы эти носили различный — и прямо противоположный — характер. С одной стороны — реармянизация колоний (термин, очень удачно примененный Э. Шюцом [77]), т. е. усиление притока армян-арменофонов, с другой — денационализация и этническая ассимиляция с украинским и польским населением.

На историю миграции армян в Восточной Европе — с лингвистической точки зрения — нельзя смотреть таким образом, что будто бы этап прибытия армян-кыпчакофонов сменился этапом иммиграции армян-арменофонов. Прибывали одновременно представители обеих групп, только соотношение носителей того или другого языка было различным. Во второй половине XVI — начале XVII вв. на Украину прибыло много арменофонов, основавших «более новые» (по определению Пиду [35, с. 130]) колонии в Язловце, Замостье, Подгайцах, Бродах, Жванце, Городенке, Станиславе. Это были носители армянского разговорного языка (ашхарабара), выходцы из собственно Армении и Малой Азии, сотрясаемых длительными турецко-персидскими войнами и восстаниями джелалиев (о миграции оттуда на Украину см. высказывания современников Аракела Даврижеци и вардапета Григора [22, с. 88; 16, с. 95; 28, с. 68—69]). Значительную долю образовали армяне Молдавии, где периодически (1551—1552, 1570 гг.) вспыхивали преследования армян, насильственно обращаемых в православие (о бегстве армян на Украину см. источники того времени [38, с. 370—371; 19, с. 93; 31, с. 80]). Правда, о разговорном языке армян Молдавии мы знаем очень мало (письменных памятников «народного» языка почти нет), вполне возможно, что часть из них употребляла армяно-кыпчакский язык. Об этом косвенно свидетельствует, в частности, армяно-кыпчакская пергаментная (единственная в своем роде) грамота Донавака, сына Саркиса, жителя Сочавы, о его пожертвованиях львовскому армянскому кафедральному собору. Хотя грамота составлена во Львове в 1583 г. (не в Сочаве), нельзя предположить, что жертводатель, подписавший грамоту, не понимал ее содержания [78, с. 247, 1028, № 559]. Но даже если количество иммигрировавших на Украину в XVI — начале XVII вв. арменофонов было значительным, это не отразилось на развитии армяно-кыпчакской письменности — ведь именно на этот период приходится ее расцвет. Даже в такой, казалось бы, чисто арменофонной колонии, как Станислав, маргиналии еще в конце XVII в. делались на армяно-кыпчакском языке (ср. выше). Реармянизация, во всяком случае, не была столь динамичным явлением, как возникновение и расцвет армяно-кыпчакского письменного языка. Поколениям армян-

арменофонов XVII—XVIII вв. не удалось достигнуть того уровня специфической культуры (также языковой), которая связана с кыпчакофонами. Не менее характерно и то, что в колониях, ранее являвшихся оплотом армяно-кыпчакского языка (Львов, Каменец-Подольский), реармензация не состоялась. Армянское население этих общин вступило на путь ассимиляции без промежуточного реармензационного звена. Для денационализированных армян реармензация не явилась реассимиляцией (возвращением к родному этносу), как и для кыпчакофонов она не ознаменовала возврата к языку своего этноса (ашхарабару). Реармензация XVI — первой половины XVII вв. во всяком случае не являлась помехой для развития армяно-кыпчакского языка и, тем более, не могла стать причиной его гибели.

Какие бы барьеры — языковые, бытовые, эндогамные, юридические, религиозные — не создавали армянские колонисты вокруг себя, но постоянно (по источникам этот процесс прослеживается с конца XIV в.) происходил выход определенного количества лиц за пределы колоний, их этническая ассимиляция с окружающим населением (о значительной украинизации армян в XVI в. см. показания современников [27, с. 189—190], о полонизации верхушки [60, с. 173—175], об ассимиляции вообще — у Симеона дпира Леаци [36, с. 348] [3]), экзогамия, потеря родного языка, отход от своей религии, обычаев и т. д. В усилении денационализационных процессов многие исследователи — совершенно справедливо — обвиняют унию армяно-григорианской церкви на Украине с Римом (события 30 — 60-х гг. XVII в.), которая привела к латинизации обряда и способствовала полонизации армян. Это положение неоспоримо, но латинизация и полонизация — это не мгновенный катализатор, а длительный процесс, протекавший долгие десятилетия и закончившийся в отдельных колониях полной ассимиляцией только в середине, конце XVIII в. или даже в начале XIX в. (поздняя колония Куты сохраняла армянский язык — хотя и ограниченной функциональности — еще в первой половине XX в.). Уния своим идеологическим влиянием на современное ей поколение армян-кыпчакофонов не могла привести к гибели языка (как считают некоторые авторы [33, с. 308; 34, с. 158; 76, с. 48]), могла, однако, действовать и действовала в другом направлении (как мы увидим ниже)—на усиление эмиграции армян с Украины. Сама по себе, например, уния армяно-григорианской церкви в Трансильвании, даже несмотря на сильный мадьяризационный нажим, не привела к катастрофической потере языка.

Единственный достаточно мощный фактор, способный на протяжении трех-четырех десятилетий уничтожить язык и все его достижения, это миграционный толчок, причем не типа мгновенного массового эксодуса, а тягучей микромиграции, распыляющей носителей армяно-кыпчакского языка на территории обширной диаспоры без возможности последующей консолидации в единый сплоченный, лингвистически однородный организм. Главными причинами, вызвавшими микромиграционные потоки с Украины, явились политические события. Внутриполитический фактор — это религиозная нетерпимость в Речи Посполитой, способствовавшая длительной (с 30-х по 80-е гг. XVII в.) неурядице в среде поселенцев — борьбе между антиуниатами и униатами, причем в выигрыше оказались последние, пользовавшиеся поддержкой государства и могущественной в Польше католической церкви. Микромиграционный поток направился в более веротерпимую в это время Молдавию, но не задержался там надолго. Борьба за господарский престол, в которую включились армяне, вызвала, после неудачи, миграцию как местных, молдавских, армян, так и недавно прибывших с Украины — в Трансильванию (70-е гг. XVII в.). Внешнеполитический фактор связан с событиями польско-турецких войн. В 70-е гг., после захвата части Подолии Турцией, сдвинулись с насиженных мест армяне Каменца-Подольского и более мелких колоний. Здесь распыление было еще более основательным. Мигранты,

[3] В русском издании Симеона соответствующее место переведено с искажением [20, с. 249].

среди которых значительный процент составляли кыпчакофоны, попали в Польшу, на западноукраинские земли, в Молдавию (и отсюда в Трансильванию), в Македонию. Экономическому фактору, который будто бы должен был стимулировать миграцию, мы не придаем столь веского значения, как это делают некоторые авторы, иногда маскируя политические эксцессы, вызывавшие миграцию армян [63, с. 226—227; 77, с. 99]. Новоприобретенные места не были, с точки зрения возможностей развития торговли и ремесла, более привлекательными, чем даже истощенные войнами Украина и Польша.

До сих пор неизвестно, остались ли какие-нибудь письменные следы употребления армяно-кыпчакского языка на новых местах. Оставшиеся на Украине кыпчакофоны очутились в столь незначительном меньшинстве, что о продолжении армяно-кыпчакской письменности не могло быть и речи. Глоссы 80 — 90-х гг. XVII в. и переводы армяно-кыпчакских документов на польский язык того же времени — последние следы их деятельности. Можно глубоко сомневаться в том, что армяно-кыпчакский письменный язык переступил порог XVIII в.

Анализ источников, освещающих историю армяно-кыпчакского языка, позволяет сделать следующие выводы:

1. Языковая кыпчакизация армян, начавшаяся в золотоордынский период (конец XIII—XIV вв.), привела к образованию бесписьменного диалекта, распространенного среди армян Крыма, Поволжья, возможно Приднестровья, в дальнейшем очень близкого к разговорному языку крымских татар. Нет оснований считать, что этот кыпчакский диалект являлся исконным языком половцев или же ранних татар-тюрок, армянизированных в религиозном отношении.

2. Постоянная микромиграция армян-кыпчакофонов на территорию Украины, усилившаяся в конце XV в. под влиянием политических факторов, привела к формированию на новом месте переселения письменного армяно-кыпчакского языка, генетически тесно связанного с крымскотатарским, но подверженного славянизации, особенно в области лексики, фразеологии, синтаксиса. Графическое оформление языка произошло, видимо, в 20-х гг. XVI в.

3. Армяно-кыпчакский язык, несмотря на тенденцию к интерференции и конвергенции к украинскому и польскому языкам, привел в период своего расцвета (XVI — первая половина XVII вв.) к образованию многожанровой рукописной и печатной литературы, к созданию развитого делопроизводства западного образца.

4. Гибель армяно-кыпчакского языка, произошедшая окончательно в конце XVII в., была вызвана миграционным распылением его носителей на больших пространствах Восточной и Южной Европы, происходившим вследствие различных внутри- и внешнеполитических факторов. Одно только развитие языка в направлении усиливающейся конвергентности, этнические процессы (реармянизация и денационализация), перемена религиозного подчинения, как и экономический фактор, не были способны привести к катастрофически быстрому упадку языка.

Своеобразная история возникновения, расцвета и гибели армяно-кыпчакского языка не имеет буквальных аналогий в лингвистике, поэтому, возможно, она заслуживает внимания не только тюркологов, но и представляет более широкий языковедческий интерес.

ИСТОЧНИКИ

1. Документы и черновые материалы Армянского суда во Львове за 1676—1686 гг.— Центральный государственный исторический архив УССР во Львове, ф. 52, оп. 2, т. 548.
2. Документы и черновые материалы Войтовского присутствия во Львове за 1669—1670 гг.— Там же, т. 492.
3. Документы и черновые материалы Городского совета во Львове.— Там же, д. 182.
4. Книга Армянского суда в Каменце-Подольском за 1657—1663 гг.— Центральный государственный исторический архив в Киеве, ф. 39, оп. 1, т. 42.

5. Книга Армянского суда в Станиславе за 1679, 1681—1685, 1687—1689 гг.— Библиотека Национального института им. Оссолинских во Вроцлаве, отд. рукописей, № 1359 II.
6. Книга Армянского суда в Станиславе за 1692—1702 гг.— Там же, № 1590 II.
7. Книга Львовского замка за 1627 г.— Центральный государственный исторический архив УССР во Львове, ф. 9, оп. 1, т. 381.
8. Сборник документов львовского армянского архикафедрального собора.— Львовская научная библиотека им. В. Стефаника АН УССР, отд. рукописей, ф. Оссолинских, № II 1657.
9. Сборник документов по истории армянской общины во Львове.—Центральный государственный исторический архив УССР во Львове, ф. 52, оп. 1, д. 863.
10. Собрание документов на восточных языках.— Львовская научная библиотека им. В. Стефаника АН УССР, отд. рукописей, ф. Баворовских, № 1660 II.
11. Собрание документов по истории Язловца.— Там же, ф. Оссолинских, № II 1485.
12. *Nersēs Lambronacʿi.* Meknutʿiwn aṙakay. Erusałēm, 1620.— Институт древних рукописей им. Маштоца — Матенадаран — в Ереване, отд. рукописей, № 1232.
13. Sałmosarankʿ ew aławtʿagirkʿ. 1694 /?/.— Гос. публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, отд. рукописей, ф. Дорна, № 636.
14. Yaysmawurkʿ. Ŀrim, 1690.— Институт древних рукописей им. Маштоца — Матенадаран — в Ереване, отд. рукописей, № 7442.
15. Żołovacu. Erusałēm, 1619.— Там же, № 2493.
16. *Аракел Даврижеци.* Книга историй. М., 1973.
17. *Грунин Т. И.* Документы на половецком языке. (Судебные акты каменец-подольской армянской общины). М., 1967.
18. *Кучук-Иоаннесов Х.* Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму.— Древности восточные. М., 1903, т. 2, вып. 3.
19. *Макарий.* Славяно-молдавская летопись.— В кн.: Славяно-молдавские летописи. Сост. Грекул Ф. А. М., 1976.
20. *Симеон Леваци.* Путевые заметки. Перев. с арм. Дарбинян М. О. М., 1965.
21. *Ališan Ł. M.* Kamenicʿ. Taregirkʿ hayocʿ Lehastani ew R̄umenioy hawastčeay yaweluacovkʿ. Venētik, 1896.
22. *Aṙakʿel Dawrižeci.* Patmutʿiwn. . . Vałar apat, 1896.
23. *Cazacu M., Kčvonian K.* La chute de Caffa en 1475 à la lumière de nouveaux documentes.— Cahiere du Monde russe et soviétique. Paris, 1976, v. 17, n. 4.
24. *Deny J.* L'arméno-coman et les «Ephémérides» de Kamieniec (1604—1613). Wiesbaden, 1957.
25. *Dlugosz J.* Historiae Polonicae libri XII. T. 2. Ed. Przeździecki A. Cracoviae, 1873.
26. Georgii Pachymeris De Michaele et Andronico Palaeologis libri XIII. Rec. Bekkerus J. V. 1. Bonnae, 1835.
27. *Gratiani A. M.* De vita Joannis Francisci Commendoni cardinalis libri IV. Patavii, 1685.
28. *Grigor Daranałcʿi.* Žamanakagrut iwn. . . Erusałēm, 1915.
29. *Grigoryan V. R.* Kamenecʿ-Podolsk kałakʿi haykakan datarani arǰanagrutʿyunnerə (XVI d). Erevan, 1963.
30. *Herbinius J.* Horae Turcico-catecheticae sive institutio brevis catechetica.— In: *Herbinius J.* Symbola fidei Christianae catholica. Gedanii, 1675.
31. *Kazy F.* Historia regni Hungariae . . . [T. 3]. Tyrnaviae, 1737.
32. *Kern A.* Der «Libellus de notitia orbis» Johannes' III (de Galonifontibus?) OP. Erzbischof von Sultanyeh.— Archivum Fratrum Praedicatorum. Roma, 1938, v. 8.
33. *Kraelitz-Greifenhorst F. von.* Sprachprobe eines armenisch-tatarischen Dialektes in Polen.— Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, 1912, Bd. 26.
34. *Lewicki M., Kohnowa R.* La version turque-kiptchak du «Code des lois des Arméniens polonais» d'après le ms. No. 1916 de la Bibliothèque Ossolineum.— RO, 1957, t. 21.
35. [*Pidou L. M.*] Compendiosa relatio unionis nationis Armeno — Polonae cum s. ecclesia Romana.— In: Źródła dziejowe. T. 2. Warszawa, 1876.
36. *Simeon dpir Lehacʿi.* Ulegrutʿiwn taregrutʿiwn ew yiʿatakarankʿ. Ed. Akinean N. Vienna, 1946.
37. *Stepʿanos Rawška.* Žamanakagrutʿiwn kam tarekankʿ ekełecʿakankʿ. Ed. Oskean H. Vienna, 1964.
38. *Urechi G.* Chronique de Moldavie depuis le milieu du XIVe siècle jusqu'à l'an 1594. Ed. Picot E. Paris, 1878.
39. *Xačikyan L. S.* ŽD dari hayeren jeṙagreri hiʿatakaranner. Erevan, 1950.

ЛИТЕРАТУРА

40. *Абдуллин И. И.* Актуальные проблемы армяно-кыпчаковедения.— В кн.: Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978.
41. *Абдуллин И. И.* Армяно-кыпчакские рукописи и их отношение к диалектам татарского языка.— В кн.: Материалы по татарской диалектологии. Т. 3. Казань, 1974.
42. *Айвазовский Г.* Заметка о происхождении новороссийских армян.— Зап. Одесского об-ва истории и древностей, 1867, т. 6.

43. *Гаркавец А. Н.* В. В. Бартольд о вероисповедании у кыпчаков X—XIII вв. и проблема этногенеза армяно-, греко-кыпчаков и караимов.— В кн.: Бартольдовские чтения. 18—20 марта 1974 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1974.
44. *Гаркавец А. Н.* Конвергентная эволюция армяно-кыпчакского языка в условиях субординативного славянско-кыпчакского двуязычия его носителей в г. Каменце-Подольском XVI—XVII вв.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1975.
45. *Гаркавец А. Н.* Конвергенция армяно-кыпчакского языка к славянским в XVI—XVII вв. Киев, 1979.
46. *Гаркавец А. Н.* Славянские и латинские заимствования в кыпчакской деловой фразеологии. (На материалах судебных протоколов тюркоязычных армян из Каменца-Подольского XVI—XVII вв.).— Труды Самаркандского гос. ун-та, нов. серия, 1975, вып. 288.
47. *Григорянц С. А.* Описание трех армянских рукописей.— Изв. Одесского библиографического об-ва, 1913, т. 2, вып. 5.
48. *Дашкевич Я. Р.* Адміністративні, судові й фінансові книги на Україні в XIII—XVIII ст. (Проблематика, стан і методика дослідження).— В кн.: Історичні джерела та їх використання. Т. 4. Київ. 1969.
49. *Дашкевич Я. Р.* Армяно-кыпчакский язык. Библиография литературы 1802—1978.— RO, 1979, t. 40, zesz. 2.
50. *Дашкевич Я. Р.* Армяно-кыпчакский язык XV—XVII вв. в освещении современников. (Об использовании экстралингвистических данных для истории тюркских языков).— ВЯ, 1981, № 5.
51. *Дашкевич Я. Р.* Львовские армяно-кыпчакские документы XVI—XVII вв. как исторический источник.— Историко-филологический журнал. Ереван, 1977, № 2.
52. *Крымський А. Е.* Тюрки, їх мови та література. Т. 1. Вип. 2. Київ, 1930.
53. *Усманов М. А.* Жалованные акты Джучиева улуса XIV—XVI вв. Казань, 1979.
54. *Balzer O.* Statut ormiański w zatwierdzeniu Zygmunta I z roku 1519. Lwów, 1910.
55. *Barącz S.* Rys dziejów ormiańskich. Tarnopol, 1869.
56. *Bžškeanc' M.* Canaparhordut'iwn ?i Lehastan ew yayl kołmans bnakeals ?i haykazanc' sereloc' ?i naxneac' Ani k'ałak'in. Venetik, 1830.
57. *Clauson G.* Armeno-Qïpčaq.— RO, 1971, t. 34, zesz. 2.
58. *Dachkêvytch Ya.* Les Arméniens à Kiev (jusqu'à 1240). 2-me p. — Revue des Études arméniennes (= REArm.), N. S., Paris, 1975—1976, t. 11.
59. *Dan D.* Armenii orientali din Bucovina.— Candela. Cernauți, 1871, v. 10, n. 7.
60. *Dashkevych Ya.* Armenians in the Ukraine at the time of Hetman Bohdan Xmel'nyc'kyj (1648—1657).— Harvard Studies. Cambridge, Mass., 1979—1980, v. 3—4, p. 1.
61. *Ficker A.* Hundert Jahre (1775—1875).— Statistische Monatsschrift. Wien, 1875, Jg. 1.
62. *Giwver Agonc' S.* A xarhagrut'iwn čoric' masanc' a-xarhi. . . T. 2. Hat. 2. Venetik. 1802.
63. *Iorga N.* Arméniens et Roumains. Une parallele historique.— Bulletin de la section historique (Académie Roumaine). Bucarest, 1913, v. 1 (1912—1913).
64. *Kowalski T.* Karaimische Texte im Dialekt von Troki. Eingeleitet, erläutert und mit karaimisch-polnisch-deutschem Glossar versehen. Kraków, 1929.
65. *Kowalski T.* Wyrazy kipczackie w języku Ormian polskich.— Myśl Karaimska, Wilno, 1938, zesz. 12.
66. *Macler F.* Catalogue des manuscrits arméniens et géorgiens de la Bibliothèque Nationale. Paris, 1908.
67. *Macler F.* Les Arméniens de Galicie.— REArm., 1926. t. 6, fasc. 1.
68. *Macler F.* Rapport sur une mission scientifique en Galicie et Bukovine.— REArm., 1927. t. 7, fasc. 1.
69. *Mańkowski T.* Orient w polskiej kulturze artystycznej. Wrocław, Kraków, 1959.
70. *Mańkowski T.* Sztuka Ormian lwowskich. Kraków, 1934.
71. *Oskean H.* Cuc'ak hayeren jeŗagrac' mxit'arean matenadaranin i Vienna. Hat. 2. Vienna, 1963.
72. *Petrowicz G.* La chiesa armena in Polonia. P. 1. Roma, 1971.
73. Philologiae Turcicae fundamenta. T. 2. Aquis Mattiacis, 1964.
74. [*Rolle J.*=] *Antoni J.* Zameczki podolskie na kresach multańskich. Wyd. 2-e. T. 2. Warszawa, 1880.
75. *Schütz E.* Armeno-Kiptschakisch und Krim.— In: Hungaro-Turcica. Studies in Honour of Julius Nemeth. Budapest, 1976.
76. *Schütz E.* Notes on the Armeno-Kipčak Script and its Historical Background.—In: Aspects of Altaic Civilisation. Proceedings of the Fifth Meeting of the Permanent International Altaistic Conference Held at Indiana University. June 4—9, 1962. Bloomington — The Hague, [1963].
77. *Schütz E.* Re-Armenisation and Lexicon. From Armeno-Kipchak back to Armenian.— Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 1966, t. 19, fasc 1.
78. *Tašean Ya.* C'uc'ak hayeren jeŗagrac' matenadaranin mxit'areanc' i Vienna. [Hat. 1]. Vienna, 1895.
79. *Zajączkowski A.* Glosy tureckie w zabytkach staropolskich. 1.— Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego, 1948, ser. A, № 17.